

Мы продолжим наше исследование, и постараемся узнать, использовалась или нет мечта в целях рекламы в прошлом столь интенсивно, или же мы имеем дело неким новым явлением.

Гилязова О.С., г. Екатеринбург

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ РИТУАЛА

В социальной философии и социологии общеизвестна теория социального действия, разработанная М. Вебером как основа его «понимающей» социологии. Значительно менее известна, хотя не менее интересна концепция Э. Бёрна, междисциплинарное положение которой на стыке социологии, психологии и языкознания (что отчасти сближает ее с символическим интеракционизмом) обеспечивают ей достаточный научный потенциал. Вслед за Э.Бёрном можно выделить четыре основные формы функционирования человеческого действия в его социально-культурном измерении: времяпрепровождение, ритуал, игра и процедура. Все они являются выражением связи личности и общества в ее коммуникативной функции, которая, по мнению Бёрна, усиливаясь от первой к последней форме, реализуется в полной мере только в процедуре, определяемой как полезное взаимодействие, которое подразумевает сотрудничество собеседников для достижения общей цели. Из предложенных Бёрном форм коммуникаций в наибольшей мере нас будет интересовать ритуал.

Почти любое действие можно рассматривать либо в качестве передачи информации, либо в его коммуникативной функции (не отрицающей, а, напротив, требующей информативное наполнение), например, в качестве определённого ритуала. Так урок может выступать в качестве передачи информации (от учителя к ученику), либо в качестве равноправного общения между ними, либо в качестве ритуала, когда нужно хоть как-то провести время: учитель делает вид, что ведёт урок, а ученики делают вид, что слушают его. Это даже не игра, здесь нет ни занимательности, ни результата, ни соперничества, ничего, кроме необходимости заполнить содержание бессодержательностью, выполняя, впрочем, все установленные правила (без которых ритуал вырождается в первую форму – времяпрепровождение). Это бездеятельность, имитирующая деятельность через выполнение всех алгоритмов и правил этой деятельности, так что самоценным становится именно безукоснительное следование правилам достижения цели деятельности, но без достижения этой цели. И в этом отличие от настоящей, не ритуализированной деятельности, которая ради результата может пренебречь иными, а иногда и всеми своими правилами. Ритуал также – не игра, знающая, что она – игра. Любая деятельность, самая серьёзная и целенаправленная, для любого может стать ритуалом, если он подойдёт к ней формально, безразлично, как к способу впустую провести время. Сама по себе деятельность не изменяется, изменяется только отношение к ней; и формальный подход к ней, ничего в ней, по-видимому, не меняя, а по существу опустошая, превращает её в ритуал. В слова, которые говорят, чтобы ничего в них не сказать и их не слушать, в поступки, через которые ничего не достигают. Вот первая особенность и функция ритуала: быть правильным (по правилам), стандартизированным, но довольно пустым времяпрепровождением, заполнить видимостью действительность.

Впрочем, хотя ритуал в понимании Бёрна весьма близок времяпрепровождению, но всё же к нему не сводится, а потому не ограничивается исключительно первой функцией. Есть и иное назначение ритуала: быть самовыражением его участника, а, вернее, зримой констатацией факта его существования. В ритуале и через ритуал заявляется и утверждается «Я есть!» участника ритуала. Это действие, заявляющее присутствующим о существовании того, кто его производит. Конечно, во всякой деятельности есть подобная

«экзистенциальная», точнее, самоуверяющая (существование) составляющая, но в ритуале она имеет не побочное, а самоценное, иногда доминирующее значение.

Можно выделить также и третью функцию ритуала: ритмизирование природного времени и пространства в социальное, а через их формализацию (через ритуальное действие) – их упрощение, трансформацию их в удобную, измеримую, понятную, а значит, и податливую человеческим усилиям, форму. Ритуалом объясняют, через ритуал господствуют, приспособливают к себе нечто неизвестное, непривычное, неподдающееся, что позволяет ритуалу выполнять необходимую в любом обществе функцию *адаптации*.

Прямое отношение к третьей черте (ритмизированность) имеет следующая особенность ритуала: обязательная его повторяемость, за счёт чего может происходить счёт (отчет), иерархизация и стабилизация времени человеческой жизнедеятельности, включения её в более тотальные – природные и космические – циклы. Единоразовый ритуал – это, фактически, не ритуал, или исключительный по силе и важности ритуал, чья исключительность подготавливается и подчёркивается его единственностью.

Четвертая черта ритуала: концентрация и сгущение, заодно и упрощение, всей полноты смыслов и сложности какой-либо деятельности в отдельные автоматические акты поведения как повседневной жизни («ритуалы приветствий» и т.п.), так и надповседневной (религиозная обрядность, придворный и дипломатический этикет). Это сгущение и смещение смыслов (которое, кстати, при забвении их первоначального подлинного значения, может их выхолостить) – приводит к определённой символичности всякой ритуализированной деятельности. С четвертой же чертой ритуала очень тесно связано значение ритуала как каркаса повседневного и надповседневного бытия человека, что позволяет ему выражаться в обычаях и традициях, четко регламентирующих поведение человека в группе, и через них осуществлять *нормирующую* функцию в обществе. Впрочем, эта, пятая, одна из основополагающих, функций ритуала относится не только к неформальным, неофициальным нормам, но напрямую включена и в институциональные практики осуществления закона, например, в судопроизводство.

Ритуалом, т.е. привычным и автоматическим строем правил и алгоритмов становится почти всё: и образ мышления человека, и манера поведения, общения, даже самоотношения, что помогает и облегчает жизнь человека в социуме (касте, сословии, стране, вообще в человеческом сообществе). Впрочем, при полной ритуализированности жизни человек превращается в косный автомат общепринятых норм и предрассудков, в чрезвычайно зашоренную марионетку различных социальных практик.

Шестая же функция ритуала включает в себя установление и поддержание контакта с тем, с кем (чем) иным образом контакт невозможно установить. Но чаще, так как ритуал – не столько творческая, создающая деятельность и установление нового ему свойственно менее, чем возобновление прежнего, нередко через ритуал контакт лишь вновь и вновь воспроизводится, пока от него не останется одна лишь форма. В ритуале память о прежнем контакте через постоянное повторение и напоминание о факте контакта как бы заменяет сам контакт, вернее, становится этим контактом. Как бы вдыхает жизнь единственно упоминанием её и воспроизведением её время от времени в эрзацах. Ритуал нередко обращивается «трупом» деятельности. Впрочем, своим трупным очождением и постоянством, неизменностью оказывается более жизнеспособным, вечным и действенным, чем живая деятельность, которая, как и всё живое, – смертно. Своим постоянством ритуал может продлить и сохранить жизнь живой деятельности, но, зачастую, таким образом, что она превратится в пережиток и помеху. Тем не менее, несмотря на это формальное содержание ритуала, он в любом случае сохраняет свою функцию

социальной памяти, которая повторением не только поддерживает, но и обогащает свое содержание.

Седьмая функция (которую можно назвать онтологической) ритуала: быть наличием неналичного, заменой неприсутствующего (отсутствующего или несуществующего). Эта функция, одновременно, является семиотической, так как основной характеристикой знака является его способность замещать (и тем самым обозначать) собой нечто иное, чем он сам. Все это позволяет ритуалу выполнять символические (ибо символ – есть знак, перебрасывающий мост между онтологически разделенными и аксиологически неравноценными пластами бытия) и связанные с ними религиозные функции в обществе.

Восьмая функция является обобщающей, синтезирующей все остальные функции и черты ритуала: служить скрепляющей связью в межличностных, в межпоколенческих, социальных отношениях, с природой, с космосом, и даже – с самим собою. Таким образом, основное назначение ритуала – быть связью (притом не только через уподобление и аналогию (можно вспомнить «Слова и вещи» Фуко), но и через разрывы) для упорядочения, регуляции, стандартизации, нормирования, стабилизации, размечивания и упорядочивания человеческого бытия. Ритуалы одновременно признают эту связь и поддерживают её и, что самое главное, являются ею.

Тюшляева И. Е., г. Тюмень

ПРОБЛЕМА ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ «ГОРОДСКОЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ»

Понятие «городской образ жизни» входит в группу основных категорий в социологии города и ряда других наук, таких как экономика, маркетинг, история, теория архитектуры и т.д.. Существует определенный разнобой в терминологии, следовательно, и в трактовке сущности этого явления. Поэтому представляется необходимым как-то упорядочить использование в научных исследованиях понятия «городской образ жизни».

В советской традиции существовало понимание образа жизни как особого вида жизнедеятельности, сформированной в определенных условиях. Одно из таких определений: городской образ жизни – это специфический тип социально-значимой жизнедеятельности индивидов, своеобразие которого формируется под влиянием города как особой социально-пространственной среды, находящейся в зависимости от общественно-экономического строя общества [4, С. 164]. Здесь игнорируются социально-психологические, социально-экономические, демографические особенности людей и социальных групп.

В современных условиях, в свете новой исследовательской парадигмы, основывающейся на неизбежности социального неравенства, такое определение понятия «городской образ жизни» неприемлемо.

Существуют различные современные подходы к рассмотрению образа жизни. Например, анализ образа жизни через совокупность видов социальной активности различных социальных субъектов, как это делает Р.В. Рывкина [3, С. 32-39]. Но при таком подходе следует учесть различную степень развития элементов жизнедеятельности этих субъектов, различную степень свободы выбора сферы активности различными социальными субъектами, а также их различную психологическую мотивацию и субъективное отношение к своим функциям.

Такой подход имеет некоторые недостатки. Во-первых, выявленные таким образом элементы характеризуют образ жизни довольно полно, но не исчерпывают его содержание. Во-вторых, такой подход превращает сложное по своей структуре и составу соци-